

После вокальных заморозков, подернувших наши уши инеем, выглянуло-таки и теплое весеннее солнышко. Это залетела к нам лучезарная певчая птичка Виктория Лукьянец, выкроив свободную неделю в своем жестком графике солистки Венской «Штаатсопер» (никогда еще в этом театре не собиралось сразу столько славян). В Международном женский день 8 марта у нее был очередной «Любви напиток» под управлением молодого Марчелло Виотти, 17-го — сольный дебют в московском ВЗК в дуэте с пианистом Важей Чачавой, 20-го — творческая встреча в Музее-квартире А. В. Неждановой, 22-го — второе в ее жизни выступление в Большом театре, с партией Виолетты (первое состоялось в 1993 году в «Царской невесте»), а уже 23 марта, рано утром она умчалась обратно в Вену — вечером там шел «Севильский цирюльник», и венгерке Андреа Рост-Резине могла потребоваться помощь.

Ближе к лету вплотную начнется подготовка к Брегенцскому фестивалю, где Виктория готовится выйти птицей Сирин в «Китеже» Купфера-Федосеева. Но, конечно, самое главное — Зальцбург, «Травиата» и работа с Рикардо Мути. Грядущий венский сезон обещает партии Зербины в «Ариадне на Наксосе»,

«Певческие бьеннале»: Виктория!

Ольги Сукарев в «Федоре» У. Джордано и, видимо, кое-что еще неожиданное. Из области мечтаний — Эльвира в «Пуританах» («забуканный» спектакль авангардиста Джона Дью). Из области гордости — паж Оскар в неаполитанском «Балемаскараде» с Паваротти прошлой осенью. Из области планов — Воглинда в вагнеровском «Кольце нибелунга» в «Ла Скала» с Мути в следующем сезоне. А в общем и целом эта 28-летняя «звездочка» не нуждается в особых представлениях — читатели наверняка с нею знакомы.

Лукьянец — создание необычайно светлой души и естественности, само обаяние и артистизм. Но в то же время она певица нового поколения, которому предстоит открывать XXI век, — она уверена в своих силах и своем искусстве, она крепко знает, чего хочет (и что может) в этой жизни. Она умеет сразу и бесповоротно побеждать зал. Чего стоит только один ее триумфальный выход-танец к роялю — ритуал! А ее глубокие поклоны чуть ли не до земли, а восторженная улыбка, рвущаяся с лица!

И в Консерватории поединка с залом как такового не случилось — «противник» моментально сдался и «улетел» с первыми же звуками этого ажурного голоса, то ис-

крящегося фейерверком колоратур, то мерцающего невесомым легато. В тот вечер наша героиня победила еще и в другом смысле: если феерический успех отделения арий Россини был вполне предсказуем, даже неизбежен, то изящная и до невероятности лирическая, прозрачная трактовка романсов Рахманинова оказалась шокирующим открытием новой Лукьянец. Прибавьте сюда и то, что начала она романсовый блок со сложнейшего «Вокализа», посвященного композитором Неждано-

вой. Кто-то волен не соглашаться с такой трактовкой Рахманинова, назвав ее бестелесно-бесстрастной, тем не менее она полностью убедительна, ибо пропущена через личное восприятие артистки.

Сегодня это славянское лирико-колоратурное сопрано звучит немного по-другому, чем вчера, когда Лукьянец пела в колумбовской «Марии Стюарт» и в маринской «Волшебной флейте». В итальянском репертуаре у нее появилось больше чисто итальянских фонетиче-

ских и вокальных обертонов. Меньше стало специфической «украинности». Виктория и не скрывает, что многому научилась, слушая записи Джоан Сазерленд и «живые» спектакли Эдиты Груберовой. Высокие колоратурные сопрано зачастую визгливы и гнусавы на слух. Здесь все наоборот: на приятный тембр и задушевные качества этого голоса наложился западный глянец техники и мастерства. Это как раз то, что надо. Но, как говорится, нет предела совершенству, благо есть что совершенствовать.

Идеально прозвучали романс Матильды и канцона Дездемоны об иве — Лукьянец буквально растерялась в упоительно переливчатых кантиленах, ее филировки и вообще игра звуковой динамикой были божественны. В эквилибрических ариях Семирамиды, Фанни («Брачный вельс») и Розины ощущалась некоторая неорганичность, «пережатость» финальных «верхов» третьей октавы (впрочем, может быть, их и нельзя взять по-другому?). В фиоритурных пассажах проступали порой какие-то посторонние примеси, да и сам звук тут не был таким легким, полетным и заполняющим зал, как в кантиленных эпизодах и кусках, спетых на пиано и меццо-воче. В ариях Диноры, Олимпии («Сказки Гофмана») и Оскара, исполненных в квартире Неждановой, Лукьянец вдруг «затемнила» голос и то же колоратурное брио пела

более густым, сочным и неожиданно чувственным звуком. На «ура» прошли все бисы: ария Джильды и а капелла украинская песня «О, милый мой». Но алябьевский «Соловей» все-таки воспринимался напряженным трюком на тему: сорвется-не сорвется.

В Большом театре поединок шел не столько с залом, сколько с самим «живым трупом» спектакля (постановка 1953 года!) — в первом действии, несмотря на эффектное ми-бемоль, Лукьянец как-то растерялась и затерялась, но дальше от акта к акту сумела наверстать упущенное и повернуть игру в свою пользу, озарив сцену неуловимыми отблесками угасающей доницеттиевской Лючии. Во всяком случае экзальтированная борьба этой фиалки со смертью запомнится навсегда.

На дружеской и раскрепощенной встрече с журналистами в «Президент-отеле» Лукьянец поделилась еще одной своей мечтой — исполнить в Москве Концерт для голоса с оркестром Р. Глиэра, который пела и ее вокальный кумир — Сазерленд. Будем ждать. А пока... Виктория уезжала от нас с восторгом. Что ж, потихоньку наши уши навостряются, расцветая навстречу истинно прекрасному.

Андрей ХРИПИН.